

Эти единичные выступления, впрочем, не принесли пользы Жанне.

Мэтр Лойе, высказав свои суждения, поспешил покинуть Руан.

Мэтр Гувиль не успел уехать и был брошен в тюрьму.

Винчестер и Кошон не обнаруживали склонности щадить тех, кто мешал им расправиться с их жертвой.

Наконец-то судьбы напали на верный след!

Жанну тщательно расспрашивали о ее видениях и голосах. Этот пункт вопроса можно было особенно заострить и повернуть в нужном направлении. Но Жанна была очень осторожной. Ее голоса были голосами ее сердца, ее миссии. Уже на первом заседании, давая присягу, она оговорила свое право молчать о самом сокровенном.

Однако опытные крючкотворы, умело варьируя вопросы, перетасовывая их и спрашивая то внезапно, то как бы между прочим, сумели все же заставить ее рассказать кое-что...

14 марта в тюрьме ее допрашивал сам монсеньер Кошон с одним из своих ассистентов.

Епископ начал издали:

— Жанна, знаешь ли ты через откровение свыше, что тебе удастся спастись?

Девушка почуяла недоброе.

— Это не относится к процессу. Неужели вы думаете, что я стану говорить против себя?

Епископ настаивал.

Жанна продолжала упорствовать:

— Я во всем полагаюсь на господа бога. Он сделает все, как ему будет угодно.

Лицо епископа изобразило презрение.

— Значит, твои голоса вообще ничего не сказали тебе об этом?

Удар попал в цель. Девушку взяло за живое. Ах, эти попы думают, что ей ничего не известно! Что ее голоса не ободряют ее, не предрекают ей спасения! Так пусть же знают!